Интеграция, кооперация и разделение труда в социальном рыночном хозяйстве

И.Н. Буздалов, д.э.н., проф., акад. РАСХН, гл. науч. сотр.

Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А.Никонова

Исследование выполнено в рамках проекта 10-02-00243а РГНФ

Научная разработка данной, как и всякой другой проблемы социально-экономического развития общества предполагает, прежде всего, определение ее теоретико-методологических основ в тесном сочетании с практическими аспектами воспроизводственного процесса. К сожалению, особенно применительно к сельскому хозяйству и агропродовольственной системе в целом концептуальная сторона интеграционных, а также кооперационных взаимоотношений не получила необходимых и всесторонних обоснований. До конца не систематизированы определения и не преодолена подмена понятий кооперации и интеграции. А главное, и в том, и в другом случае анализ проводится без органической увязки с процессами общественного разделения труда, его персональной, семейной, групповой экономической обособленностью, что снижает научную ценность такого анализа.

Более того, при изучении интеграции и кооперации, особенно под углом зрения современных мирохозяйственных процессов глобализации, вопросы общественного разделения труда, экономической обособленности национальных и прочих, в том числе первичных хозяйствующих субъектов соответствующих объединений остаются на заднем плане или рассматриваются как второстепенные. Между тем, законы рынка и рыночной конкуренции оказывают регулирующее воздействие на взаимоотношения внутри процессов интеграции и кооперации. Они не ослабляют, а усиливают личные и групповые интересы, соответственно, экономическую обособленность рыночных субъектов как международного, так и внутристранового уровней интегрированных и кооперативных, хозяйственных систем, в том числе агропродовольственной.

Страны ЕС характеризуются высокой степенью интеграции, вплоть до единой валюты, наднациональных органов и т.д. Однако для каждой страны – члена ЕС приоритетом остается «частный» национальный интерес. Еще более выражено реализует этот интерес Республика Беларусь в рамках декларируемого единого союзного государства, имея ежегодную выгоду за счет России в сумме до 2–3 млрд долл. ежегодно. Россия проявила инициативу и интерес к признанию независимости Абхазии и Южной Осетии, а Беларусь – интегрированный член Союзного государства не проявляет ни инициативы, ни интереса к такому признанию.

Казалось бы объединение сил и средств в общих интересах субъектов интеграционных или кооперационных систем должна повышать открытость использования технологических и других инноваций, факторов, определяющих конкурентные преимущества и т.д. Однако разделение труда в условиях рыночных отношений, приоритет личного и групповых интересов субъектов этих систем и конкретных объединений обусловливают экономическую обособленность этих субъектов, определенную закрытость нововведений, соблюдение коммерческих тайн.

В целом первенство интересов структурных звеньев интеграционных и кооперационных систем и объединений над их общими интересами и целями последовательно проявляется в условиях социального рыночного хозяйства под воздействием его основополагающих принципов: *личной свободы, экономической дееспособности, социальной справедливости*. Изучение рыночной интеграции, кооперационных связей вне этих принципов ведет к абстракциям и субъективизму как в самих научных трактовках интеграционных и кооперационных процессов, так и в организации деятельности соответствующих хозяйственных систем, в их управлении и государственном регулировании.

В аграрных экономических исследованиях данной проблемы наблюдаются существенные методологические погрешности, обусловливающие эти абстракции и отвлеченные суждения, преувеличение роли общих интересов субъектов интеграции и кооперации и недооценку определяющей роли «частных» интересов этих субъектов, вплоть до самых первичных – владельцев земельных долей. Явное противоестественное смещение в нормальном соотношении этих интересов происходит в гигантских агрохолдингах как своеобразной форме интеграции в современной агропродовольственной системе России.

А это негативно сказывается на главном критерии их хозяйственной деятельности – экономической эффективности, на мотивации к высокопроизводительному труду непосредственного производителя, прежде всего сельскохозяйственного, как первичного и определяющего во всей этой системе. В агрохолдингах рядовые работники сейчас часто «заинтересованы» настолько, что человек теряет ориентиры своей жизнедеятельности, ущемляется в элементарных гражданских правах, прежде всего праве собственности, личной свободе. Происходит что-то похожее на пресловутое советское обобществление.

В то же время в концепции социального рыночного хозяйства личная свобода как один из основополагающих принципов стоит на первом плане. Его последовательная реализация предопределяет действенность и результативность второго из этих принципов – экономическую дееспособность, а в конечном счете и третьего – социальную справедливость, важнейшим условием обеспечения которой является аграрный протекционизм. Эффективность этой концепции была наглядно продемонстрирована в послевоенной Германии, в том числе на примере агропродовольственной системы, как одной из наиболее развитых в современном мире.

Концептуальные основы социального рыночного хозяйства, системно реализованные в ФРГ после Второй мировой войны, в завершенном виде были сформулированы в работах Л.Эрхарда, исходившего из методологических обоснований так называемой «теории порядка» (В.Ойкен, В.Репке, А.Мюллер-Армак, Ф.Бем и др.), включающего тесно взаимодействующие политический, экономический, социальный и правовой порядки. При этом предполагался приоритет частной собственности и, соответственно, дифференцированное, адекватное достигаемому эффекту распределение материальных благ, однако, в рамках умеренных различий доходов бедных и богатых. «Достижение социальной справедливости, – доказывал и иллюстрировал обобщениями практического опыта В.Ойкен, – следует искать на путях создания «совокупного функционирующего порядка» и, прежде всего, на путях подчинения процесса образования доходов *строгим правилам конкуренции, риска и ответственности* (подчеркнуто мною – *И.Б.*). Нужно усвоить, что частная собственность *может* приводить к сбоям, коллективная собственность *должна*приводить к ним... Снижение производительности, ухудшение снабжения и ограничения свободы – вот та цена, которую приходится платить за каждую попытку отойти от конкурентной экономики, причем не остается никаких надежд на то, что будет обеспечено справедливое распределение социального продукта [1].

Нарушение принципов социального рыночного хозяйства особенно в части поддержания экономической дееспособности в последнее время негативно повлияло на конкурентоспособность производимой продукции и потребовало корректировки в части оплаты труда, социальных выплат, усиления дифференциации материального вознаграждения в зависимости от результатов производства. Тем не менее, благодаря немецкой модели социального рыночного хозяйства в стране обеспечен высокий технологический и жизненный уровень во всех отраслях экономики. При крайне высокой плотности населения (230 человек на км^2) и низкой землеобеспеченности в аграрном секторе он на 90% обеспечивает население Германии собственным продовольствием, а такую продукцию как мясо, молоко страна экспортирует. Высокий уровень среднедушевого потребления продовольствия сочетается с низкой долей затрат населения в структуре его расходов. Техническая модернизация и высокая производительность труда в сельском хозяйстве достигается благодаря активной государственной протекционистской политике, стимулирования эффективного производства.

Власти послевоенной Западной Германии, опираясь на указанные научные обоснования, возвели концепцию социального рыночного хозяйства в основу всей экономической политики и целенаправленного использования регулирующих функций государства, тем самым, обеспечив беспрецедентные результаты этого развития, в том числе за счет вовлечения в конкурентную рыночную среду и многие организации из сферы ранее «некоммерческой» деятельности. Могут сказать, что все это возможно у немцев, людей активных, умеющих работать, исполнительных, в том числе в соблюдении установленного в стране общественно-политического порядка и адекватного ему порядка в личной жизнедеятельности человека, в его ценностных ориентациях. У нас же, у «россиян», мол, иные ориентации, совсем другой менталитет с уклоном многих (наученных во многом советскими лозунгами о социальном равенстве, братстве, товарищеской взаимопомощи и т.д.) «бить баклуши», ожидая с небес (читай: от государства) своего благоденствия и благополучия, оставив немцам, англичанам, китайцам, французам, корейцам, американцам и т.д. навыки трудовой активности, исполнительности, следовательно, экономической дееспособности. Но тогда, как говорят, нужно «посыпать голову пеплом» и дальше пребывать в этом ожидании, ложно предполагая, что социальная справедливость и социальное иждивенчество это одно и то же.

Национальные особенности естественны и бесспорны, но они могут радикально меняться в зависимости от изменений окружающей человека общественной среды, от наличия или отсутствия в государстве политического, экономического, социального и правового порядка. Корейцы – один народ, одна нация, с одним в прошлом менталитетом. Но благодаря различию этого совокупного порядка, нынешний менталитет северного корейца от южного отличается сейчас как небо от земли. Тем более постоянная трансформация принципов жизнедеятельности человека, его ценностных ориентаций происходит в разные эпохи в той же стране, что отчетливо прослеживается на «порядках» в государстве и менталитете населения, например, до, во время и после царствования Петра I, в крестьянской жизнедеятельности в период нэпа и в условиях насильно насажденных колхозов с их «порядками» государственного крепостного права и т.д.

Из сказанного следует, что существует и доказывается историческим и мировым современным опытом, объективная общественная необходимость системного установления и соблюдения, обязательных для исполнения на всех уровнях экономики принципов действительно социального рыночного хозяйства. Практика его становления и развития свидетельствует о преобладающем, четко, гибко и бескомпромиссно охраняемым законом, независимым правосудием, охвате, связанным с риском и правилами конкуренции, коммерческой деятельностью в самых различных сферах общественной жизни, а не только в экономической, хозяйственной. Определяющими условиями

для этого являются укрепление института частной собственности и также адекватное (почти отсутствующее в нынешней российской, в первую очередь сельской действительности) именно *системное* правовое регулирование этой деятельности в общем направлении реализации принципов социальной справедливости, личной свободы (соответственно личного интереса) экономической (и вообще трудовой) дееспособности, распределения по результатам труда (а не вообще «по труду» или пребыванию на рабочем месте) и применения неотвратимых мер ответственности за нарушение всех составляющих совокупного функционирующего порядка.

У нас в агропродовольственной системе ситуация с таким порядком неблагоприятна не только в интеграционных процессах, но и в кооперации, что во многом обусловлено крайне несовершенным, запутанным и противоречивым кооперативным законодательством. Относя деятельность обслуживающих кооперативов к некоммерческим предприятиям, это законодательство фактически выводит их за пределы социального рыночного хозяйства и рыночного предпринимательства вообще. В отношении производственных кооперативов действующий закон «О сельскохозяйственной кооперации» фактически возрождает псевдокооперативную форму – колхоз, а так называемый «коопхоз» вообще остался надуманной бумажной декларацией.

Считается, что в процессе аграрной реформы в сельском хозяйстве, в других отраслях и сферах экономики реализован принцип личной свободы. На самом деле и здесь все обстоит далеко от благополучия, тем более для сельских тружеников. Казалось бы, что при остром дефиците отечественного продовольствия и засилии импорта (превысившего в 2009 г. 30 млрд долл.) крестьянин мог свободно реализовать свою продукцию на рынке. В действительности и при новом законе о торговле попасть на этот рынок, тем более без поборов, фермерам, владельцам сельских подворий часто не удается. А ответственность за это и вообще за выполнение норм закона законодатели опять «забыли» прописать в нем. «Дачная амнистия» не устранила «свободы» стояния в очередях и хождения по кабинетам чиновников. Свобода действий для крестьянина фактически вообще заканчивается, как только он со своей земельной долей попадает в систему гигантских агрохолдингов и агрофирм.

Принцип личной свободы представляется естественным в условиях и системе сельскохозяйственной кооперации, в частности, в ее обслуживающих, вертикальных формах. На самом деле в формально кооперативном секторе сельского хозяйства (а по официальной отчетности за 2009 г. СПК в стране почти 1/3 всех СХО) просматриваются отношения, не свойственные подлинной кооперативной демократии с их правовым закреплением в действующем законе «О сельскохозяйственной кооперации». Попав в такой кооператив со своей земельной долей, крестьянин фактически расстается со свободой выйти из него для создания фермерского хозяйства и последующего вступления в вертикальные формы кооперации, доминирующие в аграрном секторе развитых стран современного мира.

Все это является следствием того, что не только в исполнительной, но и в законодательной, в других ветвях власти и институтах государства при определенной общей политической стабильности, наличии «вертикали власти», у нас сейчас много явного хаоса, безответственности, социальной несправедливости, а иногда разложения. Только сильная и ответственная перед законом, обладающая необходимой политической волей, власть, сильное правовое государство может стать гарантом эффективной рыночной экономики и эффективного, основанного на принципах личной свободы, социальной справедливости и экономической дееспособности, общественного развития вообще. По определению Ф. Бема, соратника и последователя В. Ойкена «сильное государство – это не такое государство, которое раздает многочисленные льготы налево и направо, а то, которое использует политическую власть для обеспечения честной конкурентной деятельности в экономике и *обществе*» [2] (подчеркнуто мною – *И.Б.*).

С этой точки зрения социально справедлива коммерческая, предпринимательская деятельность огульно «записанных» в некоммерческие, кооперативных организаций, функционирующих непосредственно в сферах промышленной и сельскохозяйственной деятельности. Не вдаваясь в рассмотрение всей совокупности этих организаций, тем более общественных, особенно благотворительных, которые функционируют действительно за пределами рыночного бизнеса, в данном случае ограничимся констатацией реальных отношений в такой социально значимой сфере указанной деятельности как обслуживающие сельскохозяйственные кооперативы (по явному недоразумению записанных в разряд потребительских), отнесенные согласно ГК и упомянутому закону о сельскохозяйственной кооперации к некоммерческим организациям.

Прежде всего следует отметить, что указанное отнесение является в теоретическом плане результатом весьма сомнительного, запредельно абстрактного воображения и отражающего это воображение практикуемого с начала 90-х гг. кооперативного законотворчества (в которое внесены элементы явного законодательного крючкотворчества), основанного на якобы важнейшем принципе кооперативной деятельности – так называемой «бесприбыльности» кооперативов. Можно, следуя по наезженной колее, не утруждая себя творческим научным подходом к проблеме все это оторванное от реальных условий рынка, его единых для всех субъектов его законов и принципов, прежде всего от принципа прибыльной, высокорентабельной деятельности правовое обеспечение «обставлять» цитатами из работ М.И.Туган-Барановского, других пионеров кооперативной теории. Но теоретики прошлого, опираясь на реалии своего времени, не учитывали изменения этих условий в их развитии, т.е. того, что кооперативная, как и всякая другая экономическая, хозяйственная система с течением времени видоизменяется, трансформируется, «модернизируется». А именно это обстоятельство требует теоретического переосмысливания и критического пересмотра первоначальных, действительно «пионерских» если не «октябрятских» взглядов на проблему.

Даже принцип: «один член – один голос» потерял свою «неприкасаемость», свое прежнее «фундаментальное» значение. Тем более это относится к принципу бесприбыльности кооперативов, как бы не доказывал в свое время М.И.Туган-Барановский, что якобы прибыль для кооператива есть вообще «чужеродное тело», и как бы корректно не поправлял его А.В.Чаянов, ставя цель получения кооперативом прибыли на «второе место». В реальной сегодняшней действительности, несмотря на все это, на авторитетные цитаты из трудов этих и других выдающихся представителей кооперативного движения прошлого, на какие-то частные примеры из отсталого от реальных условий современности опыта, прибыль, рентабельность и для обслуживающего («узаконенного» как потребительского, т.е., якобы, «некоммерческого») сельскохозяйственного кооператива занимает свое «законное» место, как *непосредственная экономическая цель* всей его деятельности.

Чтобы убедиться в этом достаточно с высоты устаревшей теории, с ее заоблачных «исторических» вершин спуститься на «грешную» землю, и убедиться где и с какими реальными принципами функционируют сельскохозяйственные кооперативы, избегая (как предостерегал «принципиальных» догматиков Ф.Энгельс) «окостенелых» определений. Все-таки практика критерий истины, а практический работник обслуживающего кооператива, член его правления, а тем более бухгалтер всякое упоминание о «бесприбыльности» кооператива, в том числе названного по таким определениям и записям в правовые акты потребительским, некоммерческим будет оценивать и оценивает как досужий домысел.

Приверженцы догмы, замшелости научной мысли допускают ориентацию на прибыль для производственного кооператива, называемого, поэтому, коммерческой организацией. Но такие кооперативы, а их в структуре нынешних сельхозкооперативов России большинство, как правило, осуществляют и производственные и обслуживающие функции (снабжение, сбыт, сервис, часть переработки, несельскохозяйственные виды деятельности). И то, и другое включается в понятие коммерции, агробизнеса, рыночного предпринимательства. Но как только обслуживающие функции передаются в вертикальный кооператив – коммерция, будто бы исчезает и на ее месте вдруг откуда-то незвано появляется пресловутая бесприбыльность.

Здесь нет ни элементарной логики, не говоря уже о здравом смысле. И как бы не призывали в свидетели классиков, как бы их не цитировали, как бы законодательно не записывали обслуживающий, вертикальный кооператив (или кооператив производителей) в потребительский, т.е. в некоммерческую организацию, становясь юридическим лицом и включаясь как самостоятельный хозяйствующий субъект в рыночные процессы он органически «впитывает» в себя цель получать как можно больше прибыли, т.е. логически продолжает выполнять те же прежние коммерческие функции. А это и социально справедливо, и экономически выгодно его учредителям и, следовательно, «объективно» необходимо.

С целью как-то «реабилитировать» устаревшую версию о бесприбыльности и некоммерческом характере обслуживающего кооператива, некоторые современные исследователи кооперативного движения говорят, что постулатом бесприбыльности можно защищаться от тягот налогообложения. Но это, опять-таки, ложная попытка вывести кооперацию за рамки рыночной системы, ее конкурентной среды, близкая к «призыву» Л.Д.Троцкого: через бесприбыльность кооператива «защищаться от рыночного дьявола». Что касается сельскохозяйственной и некоторых других видов кооперации, выполняющих особые экономические и социальные функции, то к ним в принципе должно быть применено льготное налогообложение. И только одно это делает бессмысленным приведенное теоретическое и практическое нагромождение. Упорное «научное» и адекватное ему правовое нежелание творчески подойти к кооперации и ее принципам, прямолинейное отстаивание якобы «чистоты» этих принципов не способствует развитию ни теории, ни практики кооперативного движения, следовательно, возрождению и эффективному функционированию всех кооперативных форм в условиях рыночного предпринимательства в сельском хозяйстве, современной агропродовольственной системе и экономике страны в целом.

Из этого следует, что для совершенствования кооперативной законодательной базы необходимо разработать и внести принципиальные поправки в Гражданский кодекс, легализующие и вводящие в отвечающее принципам кооперации правовое пространство всех видов действительно сельскохозяйственной кооперации (колхозная форма, как и потребительская требуют особого правового закрепления) и рассматривающих их как субъектов рыночного предпринимательства, но с особым щадящим налоговым режимом.

Соответственно, требуется принципиально уточненная редакция положений и норм закона «О сельскохозяйственной кооперации», которая бы отвечала современной, мировой кооперативной практике, четко и однозначно определяла наиболее существенные стороны функционирования кооперативов в рыночных условиях, в рамках общих правил и принципов рыночной конкуренции, т.е. правил агробизнеса. Прежде всего, необходимо четкое функциональное разграничение производственных и вертикальных кооперативов (кооперативов производителей), исключив из кооперативного законодательства упоминаний о колхозе, как совместно-ничейной форме объединения, предполагающей совершенно иные, адекватные этой ничейности правовые нормы функционирования. Желающие могут создавать колхозы, общины, «коопхозы» и т.д. даже аракчеевские поселения, но на совершенно иной правовой основе, на специально разработанных законах.

Необходимо также исключение из этого законодательства термина «потребительский», заменив его термином «обслуживающий» (а точнее – кооператив производителей), с тем же коммерческим статусом, но особым, льготным налоговым режимом. Это полностью вписывается в общую концепцию социального рыночного хозяйства, *объективно предполагающую строго целевую государственную экономическую поддержку соответствующих кооперативных объединений, ориентированную на критерий эффективности, т.е. на прибыльную, высокорентабельную деятельность.*

Возможны возражения, что жесткие, основанные на законе, принципе социальной справедливости, меры в осуществлении правового и совокупного функционирующего порядка в целом приведут к ослаблению демократических основ правового государства, гражданского общества. Наоборот, именно наведение этого порядка предотвратит грань перехода демократии в стихию, укрепит эти основы. Особенно, если «упорядочение» будет соответствовать изложенным выше принципам и цивилизованному правовому обеспечению социального рыночного хозяйства, в котором бы гибко сочетались и целенаправленное государственное регулирование этого порядка и соблюдение экономических и гражданских свобод, которые нарушаются сейчас практически во всех сферах общественной жизни, подменяются той же обломовщиной, работой «спустя рукава» или, наоборот, прямым произволом, различными рецидивами преследования за проявления личной свободы и т.д.

Источники

1. *Ойкен В*. Основные принципы экономической политики. – М., 1991. – С. 406.

2. Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт, перспективы применения в России. М.: ВШЭ, 2006 г. Сборник докладов научного симпозиума. – С. 46–48.

Назад в раздел

Поделиться...

© «Битрикс», 2001-2006